

Ю.А. Карпенко

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН НА СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Ономастика теоретически может очень хорошо объяснить, почему собственные имена обычно подвергаются "переводу на уровне фонем" /Л.С.Бархударов/, т.е. транскрипции, и лишь как исключением – на уровне смысла /рус. Красное море, укр. Червоне море/. Но удовлетворительных объяснений распределения этих двух онимических групп пока нет.

В топонимии названия водных объектов переводятся чаще, чем названия суши; чем крупнее объект, тем больше шансов у его названия оказаться переведенным. Есть здесь также предпочтения, исходящие из типа названия, а не типа объекта. В антропонимии переводы сосредоточены в области прозвищ и подобных им примитивных именных систем.

В других классах собственных имен многое зависит от разряда названия. Так, названия периодических издания регулярно транскрибируются, а названия непериодических изданий /в частности, названия художественных произведений/ с той же систематичностью переводятся.

Другой трудно поддающейся проблемой передачи иноязычных собственных имен является обилие вариантов. Правила правописания некоторых славянских языков довольно спокойно относятся к этому обстоятельству. По-польски можно написать **Odyseusz**, **Odys**, **Odysej**; **Menelaj** и **Menelaus** и т.д. В восточнославянской же орфографической традиции нормализация мыслится почти исключительно как унификация, стандартизация.

Но так ли уж она нужна? Теоретическая ономастика хорошо обосновывает мысль, что онимы благодаря своей непонятности и связи только с одним носителем не могут не варьироваться. В противном случае, в частности, были бы невозможны широко представленные здесь переименования. Устранить варьирование при передаче собственных имен невозможно. Может быть, вместо этого надо более настойчиво искать стилистическую регламентацию вариантов? В.П.Катаев демонстративно писал Лос-Анжелос, отвергая ныне принятую уточненную формулу Лос-Анджелес. И это - пример стилистически мотивированного индивидуально-авторского применения вариативности собственного имени.

Здесь особо надо сказать о межславянской передаче личных имен, так как в этом случае к обычным источникам вариативности широко подключается субституция. Сейчас Иоганна Штрауса никто не назовет Иваном Страусом, но славянские вариации имен одного происхождения столь близки, что вполне могут заменить друг друга. И не надо категоричных крайностей: или только субституция /А.Кундзич/, или только транскрипция /С.Влахов и С.Флорин/. Функционально, стилистически значимы оба способа передачи. Можно считать закрепившимися в русской речи формы Микола Бажан, Павло Тычина. Здесь транскрипция очень уместна. По это, разумеется, вовсе не значит, что всех украинцев надо называть по-русски Микола, Павло. Ведь гораздо чаще именование призвано идентифицировать, а не подчеркивать этноязыковую принадлежность. И в этом случае уместнее субституция, а не транскрипция: Николай Пилинский, Павел Чучка.

Если в проблеме "транскрипция или перевод" в трудном положении оказывается теория, а практика просто следует установившейся традиции, то в проблеме вариативности трудности сосредоточены в сфере практики, тогда как теория видит ясный стилистический выход из них.